

О ТОТАЛИТАРИЗМЕ

АЛЕН ДЕ БЕНУА

Универсализм и тоталитарные режимы

Представляющий яркую картину практики тоталитарных режимов двадцатого столетия коллективный труд «Такая долгая ночь», изданный под редакцией Стефана Куртуа, позволяет окончательно разрешить определенные спорные моменты, начиная с политической и моральной обоснованности сравнения между нацистской Германией и советским коммунизмом, которое приводит к тому, что два эти режима, при игнорировании того, что их различает, начинают рассматриваться как типичные представители радикально новой политической формы: тоталитаризма.

Остается узнать, имеет ли тоталитаризм как бесспорный продукт современной эпохи, связанный в своем практическом осуществлении с технобюрократической рациональностью индустриальных обществ, еще и определенное родство с другими современными политическими формами. Джордж Л. Мосс написал, что «Робеспьер чувствовал бы себя как дома на массовом сборище нацистов». Некоторые также проводили параллель между якобинством 1793 года и тем, что Якоб Тальмон назвал «тоталитарной демократией». Жак Жюльяр со своей стороны утверждает: «Тоталитаризм это, возможно, демократия минус представительная либеральная система». Это выражение, возможно, делает ложной альтернативу, содержащуюся в заглавии серии, в которой вышел труд: «Демократия или тоталитаризм».

Но пойдём далее. Изучение тоталитаризма требует на деле рассмотрения образа мышления, который лежит в его основе, чтобы выявить природу его устремлений. Феномен тоталитаризма ограничен историческими рамками. Но образ мышления, который сделал возможным его появление, имеет, без сомнения, более древнее происхождение. Тоталитарные режимы уничтожали людей в больших масштабах и еще никогда ранее невиданным образом. Но почему они это делали? Те, кто стояли во главе этих режимов, не уничтожали ради удовольствия, следует помнить об этом, но потому что они считали эти убийства необходимыми. Итак, недостаточно просто описать преступление. Необходимо выявить мотивы, которыми руководствовался преступник.

Здесь можно было бы затронуть такие темы, как абсолютизация субъективности («только мои меня интересуют, все прочие люди это лишние люди»), титаническое или мессианское желание создать «нового человека», желание, соответствующее превознесению нового, свойственному идеологии прогресса, или еще момент исключения третьего, когда мир рассматривается как разделенный на два лагеря, один из которых должен исчезнуть («тот, кто не со мной, тот против меня»).

Но сущность тоталитаризма состоит в другом. То, к чему стремятся тоталитарные режимы, когда они хотят искоренить «классового» или «расового» врага, это не просто подавить любую оппозицию. Дело в выстраивании всего общества по единой модели,

считающейся самой лучшей. Это, в сущности, жажда Однородности, стремление свести к единому все человеческое разнообразие, всю сложность социального организма, которое толкает эти режимы к тому, чтобы исключить любой уход в сторону, любое отклонение, любую множественность. Определяя это стремление к унификации, можно было бы говорить об идеологии Однородности и проследить ее генеалогию. В давние времена эта идеология была ограничена утверждением, что люди, по ту сторону того, что отличает их друг от друга в их конкретном существовании, являются вместилищами души, что помещает их в равные отношения с Богом. Но в современную эпоху эта идея была перенесена на профаническую сферу. К идее, что все люди, в принципе, одинаковы, добавилось убеждение, что они должны стать таковыми на этом свете ценою стирания различий. Ясно, что речь шла о том, чтобы сделать людей все более похожими друг на друга. И именно это тоталитарные режимы пытались сделать с большей степенью жестокости. Если предположить, что эта жажда Однородности является подлинной сущностью тоталитаризма, то тогда формы, которые он мог принимать, становятся второстепенными. Если давать определение тоталитаризму, исходя не из его практики и методов, но из его устремлений и его цели, то открывается совсем другая перспектива. Это позволяет без оптимизма ответить на вопрос, поставленный Куртуа: «Только будущее скажет, был ли феномен тоталитаризма только эпизодом в истории двадцатого столетия, или он продолжит развитие в новых формах в двадцать первом веке». Так как идеология Однородности в ходу сейчас больше, чем никогда. Неодолимая поступь глобализации, имеющей техническую, экономическую и финансовую сущность, постоянно ведет к постепенному уничтожению народов и культур, коллективных идентичностей и различных образов жизни. Кроме того, власти располагают сегодня средствами контроля, о которых прежние тоталитарные режимы могли только мечтать. Разве не было бы возможным мягким путем и с согласия самих жертв суметь достичь того состояния Однородности, которое тоталитарные системы стремились насадить силой? Токвиль и Ницше с совершенно разных точек зрения, кажется, предвидели это. Планета, превращенная в огромный однородный рынок, общество надзора, постепенно распространяющее свое влияние: «новая форма» тоталитаризма может быть только такой.

Текст опубликован в «Ля нувель ревью дистуар» (2004)

Ален де Бенуа, перевод с французского Андрея Игнатьева